
Связь Государственного Дарвиновского Музея с производством

Александр Федорович Котс

Связь науки с Производством! Единение ученых и рабочих, сочетание труда физического с умственным!

Таков девиз и лозунг победившего Социализма! И, конечно, нет той области науки и промышленности, где бы эта связь теории и практики, пытливого мысли и умелых рук не оправдалась бы наглядно, убедительно и совершенно за истекшее Двадцатилетие советской Власти.

И, действительно, все наши изумительные достижения техники, все наши грандиозные постройки и сооружения являются блестящим доказательством и подтверждением истины, что практика без овладения теорией беспочвенна, а чистая теория без практики — бесплодна!

Но является вопрос: ко всякой ли науки приложимо это требование о ее связи с производством?

Что технические наши достижения, что возрастающий подъем промышленности Страны Советов связаны с успехами советской социалистической науки — признается даже зарубежными учеными и то же в отношении социалистического земледелия, животноводства как и всех других разделов социалистического производства..

Но имеется одна ответственная область социалистической культуры в отношении которой связь науки с производством продвигалась менее успешно — это связь промышленности и музеев. И легко понять причины этой некоторой отсталости музеев: коренятся они в давней оторванности большинства музеев от широких масс.

Этот упрек в отрыве практики музеев от рабочей массы справедлив, конечно, не для всех музеев и не в одинаковом размере.

Хорошо известно, как еще задолго до войны отдельные музеи, например, **Политехнический** пытались обслужить рабочие круги устройством так называемых «Воскресных чтений» для рабочих.

Менее известно, что и **Дарвиновский Музей** в лице его директора и основателя повторно выезжал в рабочие районы тридцать лет тому назад для чтения популярных лекций по Естествознанию на московских фабриках.

Но это были все же только робкие разбеги и придвинуться вплотную к производству и рабочей массе удалось музеям только после Октября 17-го года.

Однако же и здесь не сразу и не для всех музеев выяснился должный путь. И помнится, что когда много лет тому назад было созвано собрание директоров музеев в целях обсуждения постановления правительства и партии об учреждении более постоянной связи между производствами и наукой, некоторые седовласые ученые покачивали головами, затрудняясь, видимо, осуществить практически такое предложение. А между тем это последнее сводилось лишь к тому, чтобы у каждого музея был бы свой собственный заводский «шеф», могущий оказать музею производственную помощь и наоборот, мог в свою очередь использовать музей по линии своей профессиональной практики.

Не трудно видеть, что успех такого шефства в высшей степени зависел от того, насколько близки будут производственные интересы «шефа» и подшефного музея.

И легко понять, что когда, несколько дней спустя после указанного совещания в Наркомпросе было приступлено к растасовке фабрик по музеям — и взаимному их «спариванию» — задача эта оказалась не из легких.

Правда, что для некоторых музеев связь эта установилась без труда. Так например Музей фарфора получил в качестве Шефа керамиковый (фарфоровый) Завод, — Музей Изобразительных Искусств — имеющий богатое собрание гравюр — Гознак.

Так постепенно получили своих шефов большинство музеев, значившихся в списке. Очередь дошла до Дарвиновского Музея.

Неразобранными остались два завода: Фабрика «Красный Октябрь» (Шоколадная) и Табачная ф-ка «Ява» по Ленинградскому Шоссе.

Не трудно видеть, что продукция обеих этих фабрик мало отвечала интересам Дарвиновского Музея. Ввиду явной вредности курения и табака — выбор Дарвиновского Музея все же пал на шоколад.

Но и этот «сладкий шеф» был, разумеется, не ко двору. Не было связи между производством фабрики и фабрикатами: там — конфеты и шоколад, — здесь чучела зверей и птиц, скульптуры и картины. Там — конфеты под названием «Мишук», здесь чучела из настоящего Медведя.

Пришлось подумать о «разводе» и о выборе другого «Шефа». Но какого?

Верное решение вопроса подсказали первые столь достопамятные годы после Революции.

Мысленно перенесемся за двадцатилетие назад. Послевоенная разруха. Первые годы после Революции. Неугасимый энтузиазм тысяч сердец и мерзлая, голодная, тифозная Москва.

Мерзлые стены каменной громады — Политехнического Музея. Маленькая аудитория. Десятка два рабочих меховой промышленности. За столом, уставленном коллекциями звериных чучел и звериных шкур директор **Дарвиновского Музея**. Очередная лекция по зоологии пушных животных. Жметесь от заиндеветших стен нетопленного помещения лектор, жметесь аудитория рабочих, и порою кажется, что дрогнут от мороза даже чучела привыкших к холоду пушных зверей: волков, лисиц и соболей.

Но если не легко было читать и слушать в мерзлом помещении, то, пожалуй, еще тягостнее было самое хождение на лекцию.

Трамвай — за неимением топлива бездействовал. Движение в Москве поддерживалось только редкими машинами и еще реже конной тягой. Лошади массами гибли от безкормицы, а всего более пешком — на резиновых, порою деревянных, реже кожаных подошвах.

Помнится, как пообедав мерзлой пареной картошкой и кусочком глинистого хлеба, отправляешься на лекцию. Идти не близко, от Девичьего Поля через Центр до Лубянской Площади через глубокий снег — за недостатком рук и гужевого транспорта — снег плохо убирался с тротуаров.

Бывало отойдешь от дома с полверсты и остановишься невольно: ноги не идут, кружится голова. Присядешь где-нибудь на магазинном подоконнике, придешь в себя и снова побредешь, пока не доползешь до места. Там внимательная аудитория заставит забыть усталость, но проходит час — другой и снова пешим способом, усталый и голодный возвращаешься домой.

Эти читавшиеся когда то лекции по Зоологии Пушных Животных для сотрудников **Главмеха** положили первую основу связи Дарвиновского Музея с меховой промышленностью. Очень скоро эта связь, директора Музея и **Главмеха**, получила и другое направление.

21-й год. Ильинка. Вековые своды здания «Гостинного Двора».

Очередное заседание Ученого Совета при Коллегии Главмеха. Обсуждается вопрос о мерах по борьбе с вредителями — шестиногими, из группы насекомых. Полное бездействие (за недостатком топлива) холодильных аппаратов и недостаток рабочей силы вызывало массовое заражение пушнины молью, кожеедами. Приходилось при участии директора Дарвиновского Музея срочно обсуждать мероприятия, могущие смягчить создавшиеся затруднения.

Таковы условия, среди которых зарождалась связь Пушной Промышленности с Дарвиновским Музеем к обоюдной пользе и Музея и Главмеха. Именно в описанное время Дарвиновскому Музею удалось приобрести со складов национализированных магазинов — ряд ценнейших образцов пушнины для своих лекций.

Ослабевший несколько в течение последующих лет этот контакт Музея и Главмеха никогда не прекращался, выражаясь то в обслуживании пушников-рабочих и в научном консультировании учреждений меховой Промышленности, то в эпизодическом приобретении отдельных образцов пушнины, ценных для Музея.

И легко понять поэтому, что когда в 1932 году Правительство и Партия постановили обязательность взаимного сотрудничества фабрик и музеев — Дарвиновскому Музею оставалось только закрепить официально давнюю культурную и производственную связь с Пушной Промышленностью и ее различных учреждений.

Такова несложная история взаимной связи Дарвиновского Музея и Пушной Промышленности. И теперь уместно перейти к характеристике этой взаимной связи, — очертить ее действительное содержание, ее значение и роль для Дарвиновского Музея.

Но для этого попробуем несколько ближе очертить работу Дарвиновского Музея и Пушной Промышленности в том разделе их, в котором деятельность обеих всего более соприкасается.

В чем выражается научная и просветительная работа Дарвиновского Музея? Как показывает само его название работа эта с учением Дарвина — великого обоснователя учения Эволюции, т.е. учения беспредельной изменяемости живого мира. Согласно этому учению — тот мир, в котором мы живем и часть которого мы представляем, не был создан в современном виде в навсегда готовой и застывшей неизменной форме, но, напротив, развивался, изменялся беспредельно и что этим изменениям и человек и другие существа обязаны своим происхождением.

Такова научная тематика Музея: собирать фактические доказательства изменчивости, эволюции живых существ.

А какова его задача, как культурно-просветительного учреждения? Приобщить широкие круги народных масс к основам этого учения эволюции, на фактах, наиболее доступных даже малоподготовленному зрителю, служить рассадником научного мировоззрения.

Такова задача, тематическая установка нашего Музея: разрабатывать и популяризировать учение об изменчивости живых существ.

Но переходим к новому вопросу. На каких животных группах всего лучше можно показать эту изменчивость живого мира и второй вопрос: какие именно животные всего менее исследованы в отношении изменчивости, эволюции?

Казалось бы само собой очевидным, что поскольку Эволюция касается всей вообще живой природы изменчивость любого существа — будь то изменчивость животного или изменчивость человека дает поддержку этому учению. И однако, столь же очевидно, что не всякое живое существо пригодно для показа этой изменяемости неспециалистам. Сказанное поясним примером.

Самым замечательным, прославленным примером изменяемости у животных за последние 2-3 десятилетия считается в нашей науке небольшая мушка, обитающая в Северной Америке, но культивируемая без труда в научных институтах и лабораториях в стеклянных банках и со специальной целью — изучения изменчивости этой мушки.

Изучением этой мушки занимались и доселе занимаются многие сотни выдающихся ученых. Свыше тысячи исследований опубликовано по вопросу об изменчивости этой мушки. Многие труднейшие вопросы Общей Биологии, Изменчивости и Наследственности удалось решить лишь изучением этой мушки.

Но попробуйте эту изменчивость «Плодовой Мухи» показать широкой массе **не**-ученых, **не**-зоологов!

Можно уверенно сказать, что даже многие ученые не в силах разобраться сразу в сотнях изменениях, окраске и строении крыльев, усиков и глаз этих плодовых мушек. Показать же все подробности широким массам, показать в натуре, а не только помощью рисунков, вообще не удастся.

Но теперь является вопрос. Известны ли такие изменения и у других животных? Да, известны, но опять по преимуществу у мелких и доступных для искусственного разведения в Институтах и Лабораториях. Так

например, описано не мало образцов изменчивости у мышей, крыс и кроликов. Гораздо реже наблюдается изменчивость среди животных, обитающих в естественных условиях на воле. И понятно, почему. Изменчивость — явление редкое. На тысячи нормальных по окраске особей приходится немного заметно измененных по росту или по окраске. Никакие экспедиции и никакие полевые сборы, проводимые учеными не могут дать науке этих образцов изменчивости у животных, обитающих на воле. Ибо никакая экспедиция не сможет раздобыть такое множество животных, чтобы выбрать среди них эти редчайшие примеры «выродков» или «мутаций».

И, однако, то чего не в силах дать крупнейшие музеи или экспедиции этот редчайший материал по отклонениям окраски у дико-живущих форм животных, этот материал веками добывался в разных странах северного полушария, но в обстановке, исключавшей **почти всякую возможность для пользования его наукой и учеными. Мы разумеем — добывание пушных животных, поставляющих пушнину меховой промышленности.**

Попытайтесь мысленно перенестись за двадцать лет назад, в эпоху, в обстановку капиталистического строя, в магазины и «фактории» былых магнатов меховой промышленности — господ Михайловых, Сорокоумовских и Фрэнклей... Попробуйте и в наши дни наладить за границей дело с отбиранием музейных редкостей за счет пушных товаров Лейпцига и Лондона! Можно уверенно сказать, что если бы музейные ученые и обратились к современным зарубежным меховым торговцам с просьбой о содействии науке и музеям — эти просьбы были бы бесплодны и самих просителей сочли бы за наивных чудаков не понимающих, что между капиталистической командой и буржуазной культурой нет ничего общего, кроме заглавной буквы «К».

Да, говоря по правде и самих рабочих сортировщиков в ту пору было бы не так легко привлечь к участию в строительстве науки. Слишком далеко стоял в ту пору средний рядовой рабочий от науки от музейев, от живого понимания того, насколько он, рабочий, помощью своих рабочих рук способен оказать содействие науке и культуре.

А теперь посмотрим, каким образом откликнулись советские рабочие на зов Музея Дарвина — помочь ему в подборе нужных для науки материалов.

Пушкинская улица, бывшая Большая Дмитровка в Москве. Глубокий небольшой, но огороженный со всех сторон высокими домами, дворик. В глубине высокое и странное по виду здание — нечто вроде каменной глухой коробки с окнами, прорезанными только в нижних двух, да в верхней паре этажей.

Вы входите в подъезд коробки-здания, но проникнуть в здание не так просто. Всякого, несвязанного с учреждением, останавливает «Страж Порога» — пожилой, но зоркий, бдительный привратник с требованием пропуска.

Однако, все эти формальности касаются лишь посторонних.

«Посвященный» беспрепятственно проходит внутрь здания и вместо строгих окликов о пропуске несется нам навстречу дружеский привет.

Проходим внутрь здания по направлению к Лифту.

Подступы к последнему нам загораживают вагонетки, содержимое которых нам сразу выдает деятельность учреждения: «**Пушнина**».

Небольшая тесная кабинка, загруженная пушниной и людьми, готовится к подъему. «Место есть! Подем!» предлагает Вам всегда приветливая и услужливая тов. Фомина, служительница лифта.

Поднимаемся по узкой сетчатой коробке лифта. Медленно плывут перед глазами этажи 2-й, 4-й, 5-й... полутемные площадки с открывающимися на них массивными железными дверями. Там, за тяжелыми дверями, в «Камерах», в температуре, охлаждаемой искусственно моторами, хранится богатейшая звериная валюта — драгоценная пушнина, занимающая одно из первых мест Советского экспорта.

Под немолчный шум моторов — ледяного сердца Холодильника — мы поднимаемся все выше. Этажи — 7-ой, 8-ой, 9-ый — наконец последний завершающий этаж — 10-ый... Полусветлая площадка, вся уста-

вленная вагонетками с пушниной, только что доставленной из камер или направляемой в камеры. Вправо и влево двери. Направляемся налево. Светлая объемистая зала. Вдоль по стенам и вдоль окон длинные покатые столы, заваленные горами пушнины. Еще большие пушные «горы» возвышаются грядами на полу. Десятки служащих специалистов «сортировщиков» пушнины заняты ее разборкой, группировкой по породам и сортам. А поработать есть над чем! Можно уверенно сказать, что ни один ученый во всем мире, ни один зоолог вне Советского Союза не увидит за всю жизнь материала, столь же разнородного как тот, что собран в этих залах Холодильника за пару дней...

Вот легкие пушистые, как свежеснеженный снег, искрящиеся, льдистым блеском партии песцов Камчатки и среди них бунты особо ценных «голубых» песцов с острова Беринга и Командорских Островов. И рядом — горы черно-бурых лис, то сине-черных с белоснежными вершинами хвостов, то сплошь подернутые серебристым блеском.. А поодаль груды лис из группы Сиводушек, красно-черных, словно спянных из угля, золота и меди.

Опуская менее эффектные кряжи Хорей, Куниц и Норок переводим взгляд на шкуры более крупных хищников: целые горы медведей, — от грузных и гигантских почти черных медведей Бурятии и Забайкалья и до мелких золотисто-желтых «Мишуков» пустынь Центральной Азии.

«Стада» волков, громадные, густоволосые, белесые с далекой тундры и тщедушные, шакаловидные из Казахстана и Монголии. Вот партия Рысей — все переходы от громадных и пушистых уроженцев северной тайги до маленьких редковолосых обитателей пустынь, и далее, и далее.. Вот соболя всех колеров, от бархатисто-буро-черных Баргузинских до янтарно-золотистых из Тобольской и Якутской областях. То здесь, то там, среди стандартного товара, можно увидеть менее обычные и периодически лишь поступающие образцы пушнины...то бунты Тибетских корсаков или разрозненные экземпляры «Красного альпийского волка», — то гиеновых или шакальих шкур, то глазчатых леопардов с Дальнего Востока и центральной Азии, то шкуры медведей полярных, то гигантского тигра из Центральной Азии или Приморской области.

Но не эти массовые и стандартные меха и шкуры представляют главный, специфический предмет искания и вождения зоолога, а те редчайшие примеры резких и внезапных изменений масти о которых говорилось выше.

Находимые лишь изредка то здесь, то там и далеко не в каждой партии пушнины, эти замечательные «выродки» или «мутации» являются на положении «крупинки золота», затерянных среди нормальной и стандартной, массовой пушнины. Не подмеченные своевременно и не изъятые из прочей массы эти «выродки» рискуют снова потонуть в недрах Холодильника в ущерб науки и музеям.

И, однако, как бы ревностно и регулярно не навещался бы директор **Дарвиновского Музея** в помещения Холодильника, присматриваясь к сортируемой пушнине лично — уследить за всей работой, проводимой сотней лиц в различных этажах и залах учреждения нет никакой возможности. И эта трудность техники отборки нужных для Музея материалов объясняется не только постоянной и большой текучестью товаров проходящих через Холодильник, но также темпами его работы..

«Машинаааа!» — снова и снова раздаются голоса людей с десятка этажей и пара лифтов лишь едва справляется и приемкой и доставкой вагонет с пушниной из Приемной в камеры, оттуда в сортировочные залы и обратно в камеры или на вывоз с территории Холодильника.

Обложенные горами пушнины, сортировщики просматривают каждую полученную шкурку, зорким глазом и не менее опытными пальцами ощупывая каждую, испытывая качество, добротность меха: состояние мездры и густоту волос, окраску, блеск и мягкость меха..

«I-й сорт!.. II-й сорт минус двадцать пять!... Четыре за одну! Брак!» то и дело раздаются реплики рабочих и причисленный к определенному кряжу и сорту образец пушнины группируется с ему подобным... «Забайкальская» — «Якутская» — «Камчатская» — «Алтайская?» — «Тобольская» слышатся определения кряжей, видов и разновидностей сортируемых образцов.....

По мере продвижения работы сортировки, группировки и увязки («бунтования») пушнины, сходной по кряжам и сорту образцов, отсортированная часть товара снова направляется по камерам в дальнейшее хранение или отправляется на фабрики для выделки, или на экспорт. Между тем все новые и нескончаемые груды плотно увязанных тюков пушнины: медведей, волков, рысей, лисиц, песцов, хорей, росомох, енота, выдр, горностаев, колонков и ласок, барсуков прибывают на грузовиках к подъезду Холодильника, вверх

гаясь в его недра, растекаясь по десятку этажей, по камерам и залам, чтобы преломившись через острые глаза и руки сортировщиков, разложенные по кряжам и по сортам, покинуть Холодильник и рассеяться по всей стране в виде ценнейшего экспортного товара.

Словно нескончаемый конвейер, начинающий миллионами концов от безлюдной и безжизненной тайги и тундры, степи и пустыни шестой части нашего земного шара, этот пестрый, красочный поток пушнины движется из года в год к Москве на Пушкинскую улицу, чтобы по миновании немногих месяцев опять рассеяться по свету.

Только на короткий срок — немногих месяцев, порой немногих дней, этот пушной поток, на время концентрируясь на Холодильнике дает возможность заглянуть в него пытливым глазом Музеолога-ученого и вырвать, выхватить, спасти для умственной культуры уникальные сокровища, дотоле неизвестные в науке, не имеющиеся ни в одном музее мира.

Таково единственное в своем роде учреждение и единственная в мире обстановка, позволяющие русскому, при том **советскому ученому** использовать центральный пункт пушной промышленности для научных и музейных целей.

А теперь посмотрим, в какой форме и с каким успехом эта помощь Холодильника Музею Дарвина осуществлялась за истекшее двадцатилетие советской Власти.

«Профессор! А я только что звонился к Вам в Музей,.. Есть две лисички белые для Вас... Смотрите!» С этими словами радостно-приветливо встречает меня давний опытный работник **Холодильника**, тов. Кустов, издали показывая свой очередной трофей.

И точно, пара белых лисиц: одна «частичный альбинос» с черными кончиками лапок и ушей и темной подпушью, дающей меху серебристо-пепельный налет, другая — полный альбинос без всякой примеси пигмента.

«Есть у нас в камерах еще Куница белая — докладывает дальше Кустов — горская, не мягкая — та у Вас есть. Неважная по меху брак, „паленая“ видно выпаливали из дупла, а все же я советую Вам взять!»

Гораздо реже, чем среди лисиц или куниц встречаются подобные же альбиносы у других пушных животных, что отчасти объясняется меньшим обилием нормальных экземпляров, этих видов поступающих на Холодильник.

Относительно нередки белые хори и колонки, гораздо реже белые выдры и еноты (уссурийские «енотовидные собаки») и совсем пока не попадались альбиносы- норки! Изредка, не каждый год — встречались альбиносы-барсуки, то чисто белые, то с розовато-палевым налетом.

Но переведем наш взгляд от альбиносов к «меланистам» — с ненормальным почернением окраски, обусловленным избытком пигментации.

«Профессор!» обратился как то раз к директору Музея Дарвина все тот же Кустов, «а ведь помнится, была у нас на Холодильнике несколько месяцев тому назад черная рысь... Вернулась с Аукциона в Ленинграде.. Черная совсем, только бока седые.. И не выделанная, сырая, цельная, с когтями, лапами... Большая редкость. Вот бы Вам заполучить... Вы попросите для Музея... Отдадут!».

Едва ли нужно говорить, что днем позднее шкура черной рыси уже была в Музее, а неделями двумя позже в виде замечательного чучела уж красовалась в Дарвиновском Музее.

Несравненно чаще — удавалось получать со складов Холодильника черных лесных котов из Закавказья. Описанный десятки лет тому назад К. Сатуниным под необычным «видовым названием» («Кошка-демона») (Фелис дэмон) — этот «черный кот» был в продолжение многих лет предметом вожделения для Дарвиновского Музея. Редкие и у себя на воле, эти черные коты при отдаленности пушного рынка Закавказья представляли большие трудности для приобретения. Тем своевременнее было получение Холодильником, а следовательно и Музеем, партии долгожданных черных «чертовых» котов при непосредственном участии заведующего Холодильной Камерой тов. Акчурина.

В указанных доселе случаях, примерах резких изменений масти альбиносов или меланистов — самые размеры уклонений, обеспечивали нахождение их среди нормальных особей — стандартной массы разбирае-

мой пушнины. Не заметить черной рыси или белой выдры также мудрено, как не заметить белую ворону! И успех подобных приобретений зависит более от доброй воли сортировщиков-рабочих, своевременной «сигнализации» таких находок, а не трудности их узнавания.

Сложнее, хлопотливее относительно «выродков» пушнины, относимых к группе помесей или гибридов, «тумаков» по выражению охотников и сортировщиков.

Для нахождения подобных выродков необходим профессиональный глаз и опыт знающих сортировщиков, в особенности там, где речь идет о редких и порой сомнительных продуктах скрещивания животных разных видов.

В самом деле. Отличить гибридов Норки и Хоря (весьма нередких!) относительно нетрудно. Невсегда легко дается узнавание помесей куницы с соболем, еще труднее Норки с Колонком и колонка с Хорьком... и, наконец, бывают случаи, когда весь опыт старого зоолога и сортировщика пушнины разбиваются о трудности разгадать природу некоторых загадочных помесей, как в случае одной гибридной шкурки, найденной недавно молодой рабочей- сортировщицей тов. Сикорской.

Еще более загадочны и интересны случаи, когда одна и та же шкурка сочетает признаки двух совершенно разных видов, а порою двух неодинаковых родов животных.

«Посмотрите!» слышим мы опять того же тов. Кустова. Смотрите, шкурка белого песца с рыжими пятнами! Что это? помесь с красной северной лисицей? Сомнительно, поскольку никаких других свидетельств «чужой крови» в этой шкурке нет: типичнейший песец по меху, очертаниям ушей и форме лап. Рыжие пятна представляют, вероятно, лишь пример «аналогичной изменчивости», любопытного явления (известного еще во времена Дарвина), когда случайно проявляются у некоторых животных свойства, регулярно наблюдаемые в совсем другой животной группе.

А вот другой пример: — «Была тут» — продолжает тот же Кустов — интересная лисица из степных, из Семипалатинска, складом — настоящая лисица, а ушами и по цвету подпуши — напоминает Корсака! Пойдемте, я Вам покажу! И точно: перед нами двойственное существо! Не то лисица, не то Корсак! Помесь, или образец «аналогичной» лишь изменчивости?

Таковы загадки, ребусы, которые нам задает порою природа и ее создания, временна свезенные со всех концов Союза в стены Холодильника, с такой готовностью предоставляющего этот уникальный материал в распоряжение науки и музеев.

Но продолжим далее наш путь по залам, камерам и складам Холодильника, этого редкого хранилища редчайших образцов изменчивости у животных и от единичных «выродков» по масти (аббераций) или редких помесей («Гибридов») переводим взгляд на несколько другую группу фактов и явлений — с виду более обычных, а на деле столь же замечательных и ценных для науки и научного музея.

В самом деле. Белую лисицу или белую куницу можно раздобыть, конечно, при удаче, на любом участке общего распространения этих животных и на территории какого-нибудь Люксембурга и Монако, площадью немногим более нашей Москвы... Как большинство «мутаций» Белые лисицы и куницы ни в малейшей степени **не** связаны с определенным местом нахождением.

Иное дело, когда речь идет об изменениях **географических**, зависящих от места обитания, пищи, почвы, от климата и вообще от окружающей среды, условий жизни. И, учитывая необъятные пространства нашей родины, можно легко предвидеть, что как раз по этому разделу **разновидностей**, свозимые на Холодильник материалы могут быть особо ценны.

И действительно, можно уверенно сказать, что ни в одном музее мира ни один ученый не предвидел такого колоссального, неисчерпаемого материала по изменчивости у животных и в такой наглядной форме, как то ежедневно и при том из года в год возможно лишь на Холодильнике.

Достаточно сказать, что в свое время — пару лет тому назад — пишущему эти строки удалось за время пары месяцев присутствовать при сортировке партии медвежьих шкур в количестве 8.000 экземпляров! Восемь тысяч Медведей! Сомнительно, чтобы подобное медвежье стадо проходило раннее когда-нибудь перед глазами музеолога ученого! А что за расхождение размеров и окрасок! От гигантских темно-бурых и смоляно-черных медведей Камчатки, Забайкалья до миниатюрных золотистых медведей Памира и Тянь-Шаня...

Еще резче эта разница размеров и окраски выступает на примере Волка, в силу более широкого распространения его от тундры и тайги Сибири до степей Закаспия, Монголии и Закавказья... Там — громадные белесые, лохматые — здесь втрое меньшие по росту, темные, шакаловидные.. Не тысячи, десятки тысяч волчьих шкур прошло перед глазами пишущего эти строки при его работе по подбору уникальной серии волков, которая красуется в витринах Дарвиновского Музея.

Опуская сходные же серии рысей, куниц, хорьков и горностаев, остановимся на самом благодарном показательном примере доставляемом Лисицей.

Можно с полной уверенностью утверждать, что ни одно животное из высших позвоночных не является таким блестящим подтверждением учения об изменчивости живых существ, как именно прославленный герой крыловских басен — наша «Кумушка- Лисичка».

От громадных грубошерстных, рыжих лис Приморской Области через шелковистых огненных Камчатских и Якутских к золотисто-желтым гривистым Тобольским и белесым гривистым лисицам Семиречья, к почти белым западно-китайским к бледно-палевым алтайским, серо-палевым казахским, серо-бурым караганкам и Чарджуйкам, серо-ржавчатым Кубанкам, бледно-палевым Ташкентским и совсем песчаным миниатюрным личикам Закаспийской Области.

Это ли не изменчивость? Самые тонкие, порой неуловимые для глаза переходы между великаном севера и карликами юга!

И однако, чтобы подобрать такую серию из полусотни особей потребовалось много лет и самой преданной, горячей, помощи товарищей рабочих Холодильника.

А сколько раз за эти годы шкурки, уже отобранные раньше, заменялись новыми, более яркими, типичными для данной расы, данного подвида и «кряжа»! — по выражению сортировщиков.

В итоге — уникальная, единственная в мире серия местных разновидностей лисиц, оставшаяся в качестве «фильтрата» от миллионов шкур, прошедших через руки и глаза десятков сортировщиков, помогших Дарвиновскому Музею подобрать этот ценнейший, уникальный в мире материал.

И сравнивая этот ряд «географических» подвигов (от Анадыра до Армении) с другим и столь же уникальным рядом изменений Негеографических (от чисто белых лис до чисто черных!) можно в этих двух рядах найти блестящую опору эволюционному учению — учению о беспредельной изменчивости живых существ, изменчивости, протекающей двояким образом; то резкими, внезапными скачками, сдвигами («мутации и аберрации»), то медленно-скользящими и нечувствительными переходами...(Географические расы, или разновидности).

Таковы практические результаты производственного шефства Холодильника над Дарвиновским Музеем. Именно в итоге этой многолетней тесной связи наш Музей располагает ныне замечательным подбором по Изменчивости пушных зверей, подбором, не имеющимся ни в одном музее мира.

Это уникальное собрание равно поучительно и для ученых-академиков и для ребят- школьников, и для сезонников-рабочих, — т.е. для людей предельно разнящихся и по возрасту и по образовательному уровню.

Для каждого из них, конечно в меру их готовности к усвоению научных обобщений, эти долголетние работы Дарвиновского Музея на основе сборов в Холодильнике дают возможность убедиться в истинности эволюционного учения, как основ современного научного мировоззрения.

Повторяю: таковы итоги помощи, оказанной нам Холодильником за время нашей долголетней связи.

И теперь является вопрос. А чем реально выявлялась помощь Дарвиновского Музея Холодильнику? Что сделано Музеем для **Союзпушнины?**

Помощь Дарвиновского Музея Холодильнику — осуществлялась в следующих размерах.

А. В проведении экскурсий для осмотров Дарвиновского Музея, как в общеобразовательном разрезе, так и с производственным уклоном, в целях приобщения рабочих Холодильника к знакомству с Зоологией пушных животных.

- В. В организаций демонстрационных лекций, как в самом Музее, так и в помещении Холодильника. Особенно отметить следует обслуживание сотрудников Пушной Промышленности, приезжающих с периферии, слушателей Московского Пушного Техникума, говоря иначе, роль Музея в деле подготовки смены молодых работников пушного дела.
- С. В личной постоянной консультации директора Музея по вопросам зоологии пушных животных, как при регулярных посещениях Холодильника, так и в стенах Музея. Для примера можно указать на ряд ошибок и сомнений, возникавших у рабочих Холодильника в определении отдельных редких образцов пушнины, требующих разъяснения со стороны зоолога.
- Д. В участии сотрудников Музея в оформлении «Стенной Газеты» Холодильника и в помещении ряда статей директора Музея, отражающих совместную работу Дарвиновского Музея с Холодильником.
- Е. В содействии художественного оформления помещения Холодильника путем бесплатного предоставления плакатов и картин, исполненных художниками Дарвиновского Музея, как и особой серии цветных таблиц по Зоологии пушных животных, представляющей собою как бы постоянную Выставку, наглядно поясняющую внешний вид обитания животных, доставляющих пушнину.
- Ф. В участии Музея в оформлении празднеств 1-го Мая, Октябрьских, дней МЮДа выполнением, силами художников Музея, требуемых макетов, украшения колонн рабочих Холодильника, участников демонстрационных шествий на Красной Площади.

Об успехах этих постановок говорят не только отзывы Районных Комиссий, по признанию которых «оформления колонн Холодильника» являются одними из лучших всего Района, но факт заснятия их на киноленту и показывание в отделе Кинохроники **Союзкино**.

- Г. Но, разумеется, не эти внешние продукты и достижения Музея при обслуживании им Холодильника должно учитывать при выяснении реальной пользы, приносимой им Пушной Промышленностью.

Слишком ясно, что в вопросе о взаимной пользе, получаемой Шефством Производства над Музеем эту пользу невозможно измерить и взвешивать весами или метрами.

И невозможно это потому, что самая пушнина — поступив из Холодильника в Музей и став «музейным экспонатом» уж не может быть расценена рублями. Помощью последних можно расценить и провести по счету шкуру Тигра или Горноста, но попробуйте перевести на деньги те улыбки радости и то идейное довольство, что дается содержанием тех же образцов пушнины, претворенных препараторской рукой и мыслью ученого в музейный экспонат, в идейный аргумент науки и культуры.

Но ведь в этом создании идейных аргументов, в этих шкурах, превращенных в чучела Музея, в равной мере сопричастны и рабочий Холодильника и препаратора нашего Музея и ученый-музеолог.

Первый доставляет материал, второй художественно его преобразует, третий — претворяет в отношении научном, доводя его до потребителя — до массы нашего народа, рвущегося к знанию.

И в этом смысле все бесчисленные благодарственные отзывы, что заполняют книгу записей для посетителей нашего Дарвиновского Музея — в равной мере адресованы и всем рабочим Холодильника, снабжающим Музей необходимым для него сырьем.

И, заключая краткий очерк долголетней связи Дарвиновского Музея с Холодильником, хотелось бы сказать всем работникам Пушного дела: и администрации, и дирекции, и канцелярским служащим, и сортировщикам, и упаковщикам, и сторожам-привратникам — своим трудом вы создаете для страны двоякую валюту — заграничную валюту, золото, столь нужное для нашей внешней материальной видимой культуры — и другую, внешне мало заметную, идейную валюту и идейную культуру, помогая строить уникальный в мировом масштабе **Дарвиновский Музей**, как рассадник современного научного мировоззрения для масс.

И в этом смысле больше чем все перечисленные мною скромные труды Музея по оказыванию помощи работе Холодильника — расценивать приходится другое, основное достижение: приобщение рабочих Холодильника к строительству крупнейшего культурно-просветительного учреждения **Дарвиновского Музея**.

Да и в самом деле, Замечательная директива Партии и Правительства об учреждении постоянной связи производственников и учёных, эта директива одинаково касается и Дарвиновский Музей и Холодильник.

И тот факт, что среди всех московских музеев и предприятий выпало на долю именно Дарвиновскому Музею и Холодильнику **Союзпушнины** осуществить эту научно- производственную связь особенно наглядно, красочно и ярко в этом выполнении постановления Партии и Правительства Музей наш склонен видеть свой общественный и политический актив в отношении своего производственного шефа.

Но однако, самый лозунг о теснейшей связи производства и науки, как и выполнение его возможны, мыслимы, осуществимы только при Социализме, при социалистическом укладе жизни, социалистическом труде.

И в этом смысле наше заключительное слово обращается к принципу нашей жизни, нашего труда:

Да здравствует Социализм!